

Черный кот

Про книгу

В сборник вошла повесть «Повествование Артура Гордона Пима из Нантакета», рассказы «Черный кот», «Убийства на улице Морг», «Метценгерштейн», «Бес противоречия», «Ты еси муж», «Золотой жук», «Лигея», «Стук сердца», «Уильям Уилсон», «Береника» и «Сфинкс».

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

ЭДГАР
АЛЛАН ПО

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

ЧЕРНЫЙ КОТ

ЗОЛОТОЙ ВЕК
ДЕТЕКТИВА

ЭДГАР
АЛЛАН ПО
—
ЧЕРНЫЙ КОТ

ХАРЬКОВ КЛУБ
2018 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2018

ISBN 978-617-12-4867-0 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки *Алина Ачкасова*

Едгар Аллан По – видатний американський письменник, літературний критик, прозаїк і поет. Саме його вважають засновником детективного жанру. За своє життя він написав понад сімдесят творів в жанрі детектива, наукової фантастики і літератури жахів. Неперевершений майстер похмурих історій з закрученим сюжетом і захоплюючою інтригою, де атмосфера детектива переплітається з містикою. Темні вулиці, тишу яких розриває чийсь передсмертний крик, загадкові вбивства, які під силу розплутати тільки досвідченому детективові.

До збірки увійшла повість «Оповідання Артура Гордона Піма з Нантакета», розповіді «Чорний кіт», «Вбивства на вулиці Морг», «Метценгерштейн», «Біс протириччя», «Ти еси чоловік», «Золотий жук», «Лігея», «Стук серця», «Вільям Вілсон», «Береніка» і «Сфінкс».

По Э.-А.

П41 Черный кот / Едгар Аллан По. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 368 с.

ISBN 978-617-12-4727-7 (серия)

ISBN 978-617-12-4717-8

Едгар Аллан По – выдающийся американский писатель, литературный критик, прозаик и поэт. Именно его считают основателем детективного жанра. За свою жизнь он написал более семидесяти рассказов в жанре детектива, научной фантастики и литературы ужасов. Непревзойденный мастер мрачных историй с лихо закрученным сюжетом

и захватывающей интригой, где атмосфера детектива переплетается с мистикой. Темные улицы, тишину которых разрывает чей-то предсмертный крик, загадочные убийства, которые под силу распутать только опытному сыщику.

В сборник вошла повесть «Повествование Артура Гордона Пима из Нантакета», рассказы «Черный кот», «Убийства на улице Морг», «Метценгерштейн», «Бес противоречия», «Ты еси муж», «Золотой жук», «Лигея», «Стук сердца», «Уильям Уилсон», «Береника» и «Сфинкс».

УДК 821.111(73)

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2018

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2018

Черный кот

История, о которой я собираюсь поведать, совершенно чудовищна и в то же время очень проста. Я не жду, что кто-то поверит, будто такое могло случиться, и не прошу об этом. С моей стороны было бы истинным безумием ожидать доверия, ибо мой собственный разум отказывается верить свидетельствам чувств. И все же я не безумен... и уж точно то, что произошло, мне не приснилось. Но завтра я умру и сегодня я хочу облегчить душу. Моя цель — в простых словах, кратко и без комментариев поведать миру о череде самых обычных событий, произошедших у меня дома. О череде событий, которые вселили в меня страх... заставили страдать... привели к гибели. Но я не стану пытаться объяснить, что произошло, ибо для меня то, что было, — неизъяснимый ужас... хотя многим это покажется не столько страшным, сколько *bagoué*¹. Когда-нибудь, возможно, сыщется интеллект, который лишит пережитое мною иллюзий... какой-нибудь более сдержанный, более логический и гораздо менее возбудимый разум, чем мой, разум, который в тех обстоятельствах, о которых я вспоминаю с трепетом, увидит всего лишь обычную череду естественных причин и следствий.

С малых лет я отличался восприимчивостью и добротой. Мое мягкосердие было столь очевидно, что я даже превратился в своего рода посмешище для друзей. Особенно я любил животных, и благодаря потакавшим мне родителям у меня всегда были домашние любимцы, с которыми я проводил почти все время, и для меня не было большего удовольствия, чем кормить их и играть с ними. Эта особенность характера росла вместе со мной, и когда я повзрослел, животные стали для меня одним из главных источников удовольствия. Тем, кто знает, что такое любовь преданной и умной собаки, не нужно объяснять, какую радость это может приносить. В бескорыстной и самоотверженной любви зверя есть что-то такое, что не может не волновать сердце того, кто имел возможность познать жалкую дружбу и призрачную привязанность, существующие между *людьми*. Женился я рано и был рад узнать, что моя супруга разделяет мое увлечение. Видя, насколько для меня важно иметь домашнего любимца, она постоянно приносила в дом разных животных. У нас

были птицы, золотая рыбка, породистый пес, кролики, обезьянка и кот.

Последний был большим и удивительно красивым животным, полностью черным и невероятно умным. Что касается его ума, то жена моя, хоть суеверностью и не отличалась, не раз вспоминала о старом поверье, будто каждая черная кошка — это принявшая облик животного ведьма. Не то чтобы она когда-либо относилась к этому *серьезно*, и я привожу эту подробность лишь потому, что сейчас есть повод об этом вспомнить.

Плутон (так звали кота) был моим любимцем. С ним я проводил больше всего времени. Только я кормил его, и он всегда сопровождал меня, когда я ходил по дому. Более того, мне даже стоило больших трудов не давать ему следовать за мной, когда я выходил на улицу. Эта дружба продлилась несколько лет, но за это время мой характер и нрав полностью переменились, и перемена была недоброй, причиной чему стало (хоть мне и стыдно это признавать) неумеренное пристрастие к спиртному. С каждым днем я становился все мрачнее, все раздражительнее, меня все меньше беспокоили чувства других. Я стал позволять себе несдержанные высказывания в адрес жены. Со временем дошло даже до рукоприкладства. Питомцы мои, естественно, не могли не чувствовать, что со мной происходит. Я не только забросил их, но даже стал поднимать на них руку. Только к Плутону я сохранил уважение, не позволявшее мне обижать его, как я не моргнув глазом обижал кроликов, обезьянку и даже собаку, когда те случайно попадались мне на пути или ласкались. Но болезнь моя захватывала меня все сильнее (есть ли болезнь страшнее алкоголизма!), и теперь даже Плутон, который к тому времени уже начал стареть и сделался несколько капризен, даже Плутон начал страдать от моего испортившегося характера.

Однажды ночью, когда я сильно выпивший вернулся домой после очередной «вылазки» в город, мне показалось, что кот избегает меня. Все же я поймал его, и он, боясь, что я причиню ему боль, слегка укусил меня за руку. И тогда в меня будто вселился демон. Я перестал быть самим собой. Истинная душа моя в один миг покинула тело, и дьявольская злоба, подогреваемая выпитым джином, овладела мною. Я достал из кармана жилета перочинный нож, раскрыл его, взял несчастное животное за горло и вырезал ему один глаз. Когда

я вспоминаю об этом чудовищном поступке, я сгораю от стыда, меня трясет и бросает в жар.

Наутро, когда разум вернулся ко мне, когда сон выветрил из моей головы винные пары ночной попойки, вспомнив о своем злодеянии, я испытал чувство, похожее одновременно на ужас и на раскаяние, но даже это чувство было слабым и каким-то смутным. Душа моя осталась холодна. Я снова взялся за бутылку и вскоре утопил в вине все воспоминания об этом поступке.

Со временем кот медленно пошел на поправку. Пустая глазница, правда, выглядела ужасно, но боли он, похоже, уже не испытывал. Он, как и раньше, разгуливал по всему дому, но, о чем нетрудно догадаться, едва заметив меня, тут же убегал в страхе. Какая-то частица прежнего меня еще сохранилась в моем сердце, поэтому очевидная неприязнь, которую теперь испытывало ко мне существо, раньше меня так любившее, поначалу очень печалила меня, но вскоре это чувство уступило место раздражению. А потом, словно в подтверждение моего окончательного упадка, мною овладел дух противоречия. Философы не задумываются над этим понятием. Но ничто не заставит меня усомниться в том, что дух этот является одним из главных побуждающих начал в человеческом сердце... одним из неотделимых первичных качеств или чувств, которые превращают человека в то, что он есть. Кто не совершал тысячу злых или глупых поступков только лишь потому, что знал: так поступать не следует? Разве не заложено в нас неискоренимое желание вопреки здравому разуму нарушать то, что зовется «Законом», по той единственной причине, что мы его считаем таковым? Я повторю еще раз, пробуждение духа противоречия ознаменовало мое окончательное падение. Это был тот непостижимый душевный порыв «сделать хуже самому себе», совершить насилие над собственной природой... сотворить зло ради самого зла, который заставил меня продолжить и в конечном итоге довести до конца издевательство над безобидным животным. Однажды утром я хладнокровно накинул ему на шею петлю и повесил на ветке дерева... Когда я это делал, слезы текли у меня по щекам, сердце разрывалось на части... Я повесил его, так как знал, что он любил меня, и так как чувствовал, что он не дал мне ни единого повода так поступить с ним... Я повесил его, поскольку знал, что, делая это, я совершаю грех, страшный грех, который

заставит, если такое вообще возможно, отвернуться от моей бессмертной души даже самого всемилостивого, самого страшного Бога.

Ночью того дня, когда был совершен этот жестокий поступок, меня разбудили крики о пожаре. Полог моей кровати был охвачен пламенем. Горел весь дом. Мне, моей жене и слуге лишь каким-то чудом удалось спастись от огня, но разрушение было полным. Погибло все, что у меня было, и с тех пор меня не покидало отчаяние.

Я не настолько слабодушен, чтобы усмотреть причину и следствие в своем злодеянии и случившейся беде. Но я излагаю факты в их последовательности и не хочу, чтобы из этой цепочки выпало хотя бы одно звено. На следующий день после пожара я пришел на руины. Все стены дома, кроме одной, рухнули. Осталась стоять лишь одна из внутренних стен между комнатами, изголовьем к которой стояла моя кровать. Штукатурка на ней большей частью выдержала воздействие огня. Я приписал этот факт тому, что недавно эту стену чинили, и штукатурка была еще свежей. У этой стены собралась довольно большая группа людей, которые, похоже, очень внимательно и с особым интересом рассматривали какую-то ее отдельную часть. Восклицания «Странно!», «Необычно!» и другие, подобные им, пробудили во мне любопытство. Я подошел к толпе и увидел на белой поверхности стены изображение огромного *кота*, которое, словно bas-relief², въелось в штукатурку. Изображение было в самом деле поразительно достоверным. На шее животного четко просматривалась веревка.

Едва я узрел этот призрак (а другим словом я не могу это назвать), необычайное удивление и ужас охватили меня. Но позже разум пришел мне на помощь. Я вспомнил, что кот был повешен в саду, примыкающем непосредственно к дому. Как только началась вызванная пожаром суматоха, в этом саду собралось множество людей, из которых кто-то, должно быть, перерезал веревку и бросил животное в открытое окно моей комнаты. Возможно, это было сделано для того, чтобы разбудить меня. При падении остальные стены могли впечатать жертву моей жестокости в свежую штукатурку. Содержащаяся в ней известь вместе с огнем и аммиаком, выделяемым мертвым телом, и привели отпечаток в тот вид, в котором я его увидел.

Объяснив подобным образом этот удивительный факт, я успокоил свой разум (но не совесть), и все же это произвело на меня очень большое впечатление. Несколько месяцев меня преследовал призрак этого кота, и я снова испытал некое смутное чувство, которое было похоже на раскаяние, но не им являлось. Я дошел до того, что пожалел о том, что лишился этого кота, и в грязных притонах, где проводил теперь все больше времени, стал подыскивать другое животное того же вида и сходной наружности, которое могло бы занять его место.

Однажды вечером, когда, доведя себя почти до беспамьятства, я сидел в пивной более чем сомнительной репутации, мое внимание неожиданно привлек какой-то черный предмет, лежащий на огромной бочке то ли джина, то ли рома, которая была главным предметом мебели в этом помещении. Я уже несколько минут смотрел на эту бочку и сильно удивился, что не заметил лежащего на ней предмета раньше. Я подошел и прикоснулся к нему рукой. Это был кот... огромный черный кот, не меньше Плутона и очень на него похожий, с одним лишь различием. У Плутона на всем теле не было ни одной белой шерстинки, а у этого кота было большое, хотя и нечеткое белое пятно почти во всю грудь. Как только я прикоснулся к нему, он сразу встал, громко заурчал и потерся о мои пальцы. Похоже, ему было приятно, что я обратил на него внимание. Это было именно то, что я искал, поэтому я тут же предложил хозяину заведения купить животное, но он ответил, что это кот не его, он о нем ничего не знает и никогда раньше не видел.

Я еще немного погладил его, а когда собрался уходить, животное явно вознамерилось составить мне компанию. Я позволил ему следовать за мной, и, пока мы шли домой, я время от времени наклонялся и ласкал его. Дома он освоился сразу и быстро стал любимцем моей жены.

Я же вскоре почувствовал, что во мне растет неприязнь к этому существу, хотя ожидал отнюдь не этого. Не знаю, как или почему, но его явная любовь ко мне сделалась мне противна и скоро начала сильно раздражать. Мало-помалу ощущение отвращения и раздражения переросло в злость и ненависть. Я стал избегать кота, но некоторое чувство вины и воспоминания о своем прошлом жестоком поступке удерживали меня от того, чтобы обижать его. Несколько недель я его не бил и вообще не прикасался к нему,

но постепенно, очень постепенно, его вид стал вызывать у меня непередаваемое отвращение. Я избегал его навязчивого присутствия, бежал от него, как от дыхания чумы.

Одной из причин, по которой я возненавидел кота еще больше, несомненно, стало то, что на следующее утро после того, как я привел его к себе домой, выяснилось, что у него, как и у Плутона, нет одного глаза. Впрочем, это обстоятельство сделало его только дорожкой для моей жены, которая, как я уже говорил, была в большой степени наделена той душевной добротой, которая когда-то была моей главной отличительной чертой и благодаря которой раньше я столько раз испытывал простую и чистую радость.

Но похоже, что по мере того, как росло мое отвращение к этому коту, его привязанность ко мне только усиливалась. Он не отступал от меня ни на шаг, с упрямством, которое трудно описать, следовал за мной буквально повсюду. Если я садился, он забирался под стул или запрыгивал мне на колени и начинал тошнотворно ластиться. Если я вставал, чтобы пойти на прогулку, он путался у меня под ногами, из-за чего я чуть не падал, а то и впивался длинными острыми когтями в одежду и вскарабкивался по ней мне на грудь. В такие минуты, хоть меня и терзало жгучее желание уничтожить его одним ударом, я не делал этого, частично из-за воспоминания о своем прошлом преступлении, но в основном — лучше признаться в этом сразу, — потому что я жутко боялся этого создания.

Страх мой не был боязнью какого-то определенного несчастья... хотя, как иначе его определить, я не знаю. Мне почти стыдно признаться... да, даже здесь, в тюремной камере, я почти испытываю стыд, говоря о том, что страх и ужас, внушаемые мне этим животным, были приумножены одной из самых незначительных химер, которые можно себе представить. Жена не раз указывала мне на белую отметину на груди кота, о которой я упоминал и которая была единственным видимым различием между этим странным существом и тем, которое я погубил. Читатель помнит, что пятно это хоть и было большим, имело неопределенную форму, однако постепенно, настолько незаметно, что долгое время разум мой отказывался верить в то, что это не игра воображения, тем не менее через какое-то время пятно это оформилось в четкий контур. Теперь по форме оно было неотличимо от предмета, название которого заставляет меня содрогнуться — и за

одно это я больше всего ненавидел, боялся его и избавился бы от этого чудовища, если бы осмелился, — теперь это было изображение отвратительной... жуткой вещи... теперь на груди кота было отчетливо видно изображение ВИСЕЛИЦЫ! Мрачного и жуткого орудия ужаса и преступления... устройства, несущего агонию и смерть!

Отныне жизнь моя превратилась в муку, невыносимее самых страшных страданий, кои когда-либо испытывал смертный. Жалкая тварь, собрата которой я уничтожил с презрением, *тварь* эта причинила мне — мне, *человеку*, сотворенному по образу и подобию Всевышнего, столько неизъяснимого горя! Увы, с тех пор ни днем, ни ночью я не испытывал покоя, я навсегда утратил это благословение. Днем это существо ни на миг не оставляло меня, а по ночам, пробуждаясь ежечасно от мучавших меня нестерпимых кошмаров, я ощущал его жаркое дыхание у себя на лице и чувствовал огромный вес тела — воплощенный ужас, который сбросить с себя я был не в силах, — я чувствовал огромный вес тела, возлежащего на моем *сердце*!

Под тяжестью подобных адовых мучений ничтожные остатки добра, которые еще оставались у меня в душе, умерли. Злые помыслы, самые темные и отвратительные думы стали моими единственными спутниками. Привычная для меня угрюмость обернулась ненавистью ко всему и ко всем; и самой частой и самой безропотной жертвой моих многочисленных и внезапных приступов безотчетной ярости, которым я слепо поддавался, увы, была моя несчастная жена.

Однажды по какой-то хозяйственной надобности она спустилась вместе со мной в подвал старого здания, в котором нужда вынудила нас ютиться. На ступеньках крутой лестницы меня догнал кот и стал крутиться под ногами, из-за чего я едва не свалился вниз. Это привело меня в бешенство. Не помня себя и позабыв тот детский страх, который до сих пор сдерживал меня, я схватил топор и замахнулся. Удар, конечно же, стал бы для животного смертельным, если бы достиг цели, но мою руку остановила жена. Ее вмешательство привело меня в какое-то адское исступление. Я выдернул руку и вонзил топор ей в голову. Она упала, не издав ни звука.

Совершив это жуткое убийство, я тотчас стал думать, как избавиться от тела. Понятно было, что ни днем, ни ночью вынести его из дома я не мог, потому что в любое время меня могли увидеть соседи. Разные

мысли приходили мне в голову. Поначалу я думал изрубить тело на куски и сжечь. Потом подумал было закопать его в подвале. Затем я решил бросить труп в колодец во дворе. Еще у меня возник план запаковать его в коробку, оформить как посылку и вызвать носильщика, который вынес бы его из дома. Наконец я остановился на том, что показалось мне гораздо лучшей идеей, чем все остальные. Я вознамерился замуровать его в стенах подвала, как это делали средневековые монахи со своими жертвами.

Для подобной цели подвал подходил как нельзя лучше. Стены в нем были шаткие, и совсем недавно их покрыли грубой штукатуркой, которая еще не успела высохнуть из-за влажности воздуха. Более того, в одной из стен имелась ниша: раньше там, должно быть, находилось нечто вроде фальшивого дымохода или очага, но сейчас это место было заложено и ничем не отличалось от остальных стен подвала. Я не сомневался, что смогу легко разобрать кладку, поместить туда труп и снова заложить стену так, что никто не заметит ничего подозрительного. И в своих расчетах я не ошибся. Вооружившись ломом, я легко разобрал кирпичи, потом аккуратно поместил в нишу тело, прислонил его к внутренней стене и подпер его в таком положении. Выстроить стену так, как она выглядела раньше, было нетрудно. Соблюдая всяческие предосторожности, я принес в подвал известку, песок и паклю, приготовил штукатурку, неотличимую от прежней, и замазал ею новую кладку. Закончив, я остался доволен своей работой. Ничто во внешнем виде стены не указывало на то, что ее недавно разбирали. Строительный мусор на полу я тщательно убрал. Осмотревшись вокруг, я в полном восторге сказал себе: «Ну вот, по крайней мере, мой труд не пропал даром».

Следующим моим делом было найти создание, ставшее причиной стольких бед, потому что наконец я решил казнить его. Если бы в тот миг кот попался мне под руку, участь его была бы определена, но, похоже, коварное животное, испугавшись моего припадка ярости, спряталось. Невозможно описать и даже представить, какое благословенное облегчение принесло мне отсутствие этой мерзкой твари. Ночью кот не пришел, так что, по крайней мере, один раз со дня его появления в моем доме, я получил возможность выспаться. Сон был глубоким и спокойным, даже несмотря на тяжесть убийства на душе!

Прошел еще день, за ним еще один, а мой мучитель так и не появлялся. Я снова начал дышать свободно. Чудовище в страхе навсегда покинуло мой дом! Больше я его не увижу! Радость моя не знала границ. Чувство вины за совершенный поступок почти не тревожило меня. Кое-кто меня спрашивал, куда запропастилась моя супруга, но я заранее приготовил ответы, так что отделаться от любопытствующих было нетрудно. Дом даже подвергся обыску, но, разумеется, ничего найдено не было. Я не сомневался, что в будущем меня ждет полное благоденствие. На четвертый день после убийства ко мне неожиданно нагрянула полиция. Они еще раз тщательно осмотрели весь дом и прилегающий участок. Впрочем, полностью уверенный в том, что труп спрятан надежно, я не чувствовал ни малейшего смущения. По настоянию офицеров во время обыска я держался рядом с ними. Они осмотрели каждый уголок, каждую нишу. Наконец в третий или четвертый раз они спустились в подвал. Я пошел с ними, и на моем лице не дрогнул ни один мускул. Мое сердце билось спокойно, как у спящего праведника. Сложив руки на груди, я неторопливо прохаживался по подвалу. Полностью удовлетворившись, офицеры приготовились уходить. Радость, которую я ощущал на сердце, была слишком сильна, чтобы я мог ее сдержать. Для полноты торжества меня так и подмывало что-нибудь сказать, чтобы их уверенность в моей невинности удвоилась.

— Господа, — когда офицеры стали подниматься по лестнице, произнес наконец я, — я рад, что сумел развеять ваши подозрения. Желаю вам всего наилучшего, будьте здоровы и чуточку повежливее. Кстати, господа... а дом у меня очень надежный, — испытывая непреодолимое желание произнести что-нибудь непринужденным тоном, я почти не задумывался над тем, что говорю. — Я бы даже сказал *изумительно* надежный. Эти стены... Вы торопитесь, господа? Эти стены строились на совесть...

И тут, опьяненный бравадой, я с силой постучал тростью по той самой кладке, за которой стоял замурованный труп моей жены.

Да защитит меня Господь от клыков врага рода человеческого! Едва звук удара стих, из глубины склепа мне ответил голос. Плач...

Поначалу приглушенный и прерывистый, как нытье ребенка, он быстро превратился в один долгий, громкий, непрекращающийся вопль... совершенно нечеловеческий и жуткий. Пронзительный,

исполненный не то безраздельного ужаса, не то безудержного ликования, визг, который мог исходить только из преисподней... Вой, который могут исторгнуть лишь глотки проклятых, обреченных на вечные мучения, и демонов, упивающихся их страданиями. Глупо говорить, что я почувствовал в тот миг. Покачнувшись, я отпрянул и вжался в противоположную стену. На какой-то миг люди на лестнице замерли, охваченные безотчетным страхом. А в следующее мгновение дюжина крепких рук навалилась на свежую кладку. Стена рухнула, и взору полицейских во весь рост предстал труп, уже сильно разложившийся и весь покрытый запекшейся кровью. На голове его, разинув красную пасть и сверкая единственным глазом, восседало адское создание, чьи происки подтолкнули меня к убийству и чей предательский голос отправил меня в руки палача. Я замуровал чудовище в склеп вместе с телом!

1

Нелепым, вычурным (фр.).

2

Барельеф (фр.).

Убийства на улице Морг

Что за песню пели сирены, или какое имя носил Ахиллес, скрываясь среди женщин, — вопросы сложные, все же ответ на них попытаться найти можно.

Сэр Томас Браун

Умственные способности, которые принято называть аналитическими, сами по себе с трудом поддаются анализу. Мы осознаем их только по результату, которого с их помощью удалось добиться. Помимо прочего, известно, что для того, кто наделен ими в большой степени, они являются источником истинной радости. Как физически сильный человек находит удовольствие в своей силе, радуясь тем занятиям, которые требуют мышечного напряжения, так и аналитик наслаждается умственной работой, которая, что называется, «развязывает руки». Даже самые обычные занятия, позволяющие проявить свои способности, приводят его в восторг. Этот человек любит всяческие загадки, головоломки, шифры и проявляет в их решении такую проницательность, которая обычным людям кажется сверхъестественной. Полученные результаты, достигаемые путем использования четких и вполне определенных методов, кажутся основанными на интуиции.

Умение принимать решения, возможно, во многом подкрепляется математическим даром, в особенности тем наивысшим его проявлением, которое несправедливо и исключительно на основании обратного характера его действий именуется анализом *par excellence*³. И все же, для того чтобы анализировать, недостаточно просто уметь считать. К примеру, шахматист проделывает одно, даже не пытаясь заняться другим. Из этого следует, что представление об игре в шахматы, как очень полезной для ума, не всегда соответствует действительности. Но я пишу не научный трактат, а всего лишь предисловие к довольно необычному рассказу и основываю свои мысли на достаточно разрозненных наблюдениях, поэтому воспользуюсь случаем, чтобы заявить: незамысловатость шашек является гораздо более сильным и полезным стимулом для проявления высшей силы мыслящего разума, чем продуманная изощренность шахмат. В последних, где все фигуры ходят по-разному и имеют свой, к тому же изменяющийся вес, сложность принимается за глубину

(обычная ошибка). Внимание играющего здесь целиком устремлено на игру. Стоит ему хоть на секунду отвлечься, и он может допустить оплошность, которая приведет к значительному ухудшению положения, а то и к проигрышу. Многообразие и сложность ходов лишь увеличивают шансы совершить подобную оплошность, и в девяти случаях из десяти побеждает тот игрок, который внимательнее, а не тот, который способнее. В шашках же, где ходы единообразны и почти не имеют вариаций, возможность ошибиться в результате недосмотра значительно меньше, и во время игры внимание практически роли не играет, превосходства добивается тот, кто сообразительней. Чтобы было понятнее, давайте представим себе игру в шашки, где на доске осталось четыре дамки; возможность случайной ошибки, разумеется, исключим. Вполне очевидно, что победа здесь (при условии, что силы игроков равны) будет достигнута только благодаря какому-нибудь *recherche*⁴ ходу, в результате сильного напряжения разума. Лишенный привычных ресурсов, аналитик представляет себя на месте своего противника, отождествляет себя с ним и таким образом зачастую получает возможность с первого взгляда увидеть те комбинации (порой на удивление простые), которые дадут ему возможность заставить противника допустить просчет. Давно замечено, что вист оказывает влияние на то, что называют математическими способностями. Многие люди, наделенные интеллектом наивысшего порядка, находят в этой игре необъяснимое удовольствие, считая шахматы слишком легкомысленным занятием. Вне всякого сомнения, ни одна другая игра не требует от играющих таких аналитических способностей, как вист. Лучший в мире шахматист может не обладать никакими другими выдающимися способностями, но мастерство в висте дает возможность добиться успеха в любой иной более важной области, где происходит столкновение интеллектов. Говоря «мастерство», я подразумеваю то совершенство в игре, которое включает в себя понимание всех источников, из которых может сложиться допустимое преимущество. Они не только многочисленны, но и разнообразны и нередко заключены в таких укромных уголках мысли, которые для обычного игрока совершенно недоступны. Тот, кто внимательно следит, точно запоминает, поэтому можно сказать, что шахматист, умеющий полностью сосредоточиться на игре, скорее всего, будет прекрасным

игроком в вист, тем более, что правила Хойла (сами по себе основанные на механике игры) достаточно понятны и однозначны. Таким образом, основным залогом хорошей игры в вист считаются крепкая память и четкое следование правилам. Однако второе условие еще не определяет таланта истинного аналитика. Во время игры он молча наблюдает и делает выводы. Однако, возможно, так же поступают и остальные участники игры, поэтому разница в объеме полученной информации по большому счету зависит не столько от глубины умозаключений, сколько от внимательности наблюдателя. Очень важно знать, за чем следует наблюдать. Наш игрок ничем себя не ограничивает, так же как (поскольку главное все-таки — игра) не отбрасывает он и выводы, сделанные на основании факторов, не имеющих прямого отношения к игре. Он замечает выражение лица партнера, тщательно сравнивая его с выражениями лиц каждого из противников. Обращая внимание на то, кто как держит в руке карты, иногда по одним лишь взглядам, которые играющие бросают на свои карты, узнает, сколько у кого козырей и какого достоинства. Во время игры он подмечает малейшее изменение лиц; выражение уверенности, удивления, ликования или огорчения для него — повод для размышления. По тому, как рука берет взятку, аналитик узнает, может ли игрок, взявший ее, получить еще одну той же масти. Он узнает о хитрости противника по тому, как тот бросает на стол карту. Нечаянное или неосторожное слово, случайно выпавшая или перевернутая карта, то, с каким чувством (волнением или беспечностью) игрок пытается эту карту скрыть, подсчет взяток с учетом их порядка, смущение, неуверенность, рвение или волнение — все это указывает ему на истинное положение вещей, хотя сам он этого может даже не осознавать. После первых двух-трех ходов он уже знает, какие на руках карты, и далее играет так уверенно, как если бы остальные участники играли в открытую.

Аналитические способности не следует путать с обычной находчивостью, поскольку, если аналитик в обязательном порядке находчив, то далеко не каждый находчивый человек способен анализировать. Умение придумывать или комбинировать, в котором чаще всего и выражается находчивость, и за которое, по мнению френологов (как я полагаю, ошибочному), считающих эту способность первичной, отвечает отдельный внутренний орган, до того часто

встречается у тех, чей интеллект в остальном граничит с дебилизмом, что это даже привлекло к себе внимание писателей, затрагивающих темы морали и нравственных устоев. Разница между находчивостью и аналитическими способностями имеет тот же характер, что и разница между фантазией и воображением, только отличие это намного глубже. В самом деле, нетрудно заметить, что люди находчивые — всегда фантазеры, но действительно развитым воображением наделены исключительно аналитики.

Следующий рассказ для читателя станет чем-то вроде пояснения к изложенному суждению.

Весну и часть лета 18... я провел в Париже, где и познакомился с неким месье Ш. Огюстом Дюпенем. Этот юный господин был потомком знатного, даже знаменитого рода, однако после череды неблагоприятных обстоятельств он оказался в такой нужде, что заложенная в нем от природы энергия покинула его и он совершенно перестал интересоваться обществом или думать о том, как вернуть былое богатство. Благодаря любезности кредиторов ему была оставлена небольшая часть отцовского состояния, и тот скромный доход, который она приносила, позволял ему при условии строжайшей экономии сводить концы с концами, не задумываясь над тем, как поступать с избытком средств. Строго говоря, единственным, что все еще доставляло ему удовольствие, были книги, а в Париже доставать книги нетрудно.

Наша первая встреча состоялась в небольшой библиотеке на улице Монмартр, куда нас с ним привели поиски одной и той же замечательной и очень редкой книги. Мы начали видеться чаще, и меня очень заинтересовала его семейная история, которую он весьма подробно изложил мне с той откровенностью, в которую впадают французы, когда разговор заходит о них самих. Кроме того, меня поразила его необыкновенная начитанность, но самое главное — его неудержимый пыл и свежесть воображения заставили меня почувствовать необычный душевный подъем. Мне, занятому в Париже своими собственными интересами, показалось, что общество этого человека будет для меня поистине бесценной находкой, и я откровенно признался ему в этом. В конце концов мы решили, что, пока я нахожусь в городе, мы будем жить вместе, и, поскольку мои обстоятельства были не такими стесненными, как у него, мне было

позволено взять на себя расходы на аренду и обстановку в стиле, соответствующем нашей общей с ним задумчивой хандре, причудливого, изъеденного временем дома, который из-за каких-то суеверий, в суть которых вникать мы не стали, давно был оставлен предыдущими жильцами и доживал свой век в уединенном и безлюдном районе Сен-Жерменского предместья.

Если бы люди узнали, как мы с ним жили в этом месте, нас бы посчитали сумасшедшими... Впрочем, возможно, сумасшедшими безобидными. Наше затворничество было полным. Гостей мы не принимали, более того, я тщательно скрывал от своих прежних знакомых местоположение нашего убежища, а о Дюпене в городе давно позабыли, да и сам он уже много лет не вспоминал о парижском обществе. Мы с ним существовали в своем собственном мире.

У моего друга была одна странная причуда (как еще я могу это назвать?): его притягивала к себе Ночь; постепенно этой *bizarrierie*⁵, как и всем остальным его странностям, поддался и я, позволив его диким чудачествам захватить себя с головой. Черная богиня не желала находиться с нами постоянно, но мы могли подделывать ее присутствие. С первым лучом зари мы закрывали все грязные ставни старого здания, зажигали пару тонких свечек, которые источали сильный аромат, но отбрасывали лишь слабый, призрачный свет, и погружались в полусон, читали, писали или беседовали, пока бой часов не предупреждал нас о приближении истинной Тьмы. После этого мы рука об руку отправлялись на улицу, продолжая дневные разговоры, или бродили до самой поздней ночи, уходя далеко в поисках того бесконечного возбуждения, которое может дать разуму созерцание диких огней и теней многолюдного города.

В такие минуты я не мог не восхищаться удивительным аналитическим даром Дюпена, хотя, хорошо зная умозрительную природу его мышления, был к этому готов. Ему и самому, похоже, доставляло искреннее удовольствие если не выставлять напоказ, то, по крайней мере, демонстрировать свои способности, и он никогда не скрывал, какую при этом испытывал радость. С негромким отрывистым смешком он говорил мне, что видит большинство людей насквозь, как если бы у них на груди было окно, через которое ему не составляло труда заглянуть им в душу, и, как правило, подтверждал это заявление каким-нибудь прямым и в высшей степени

удивительным доказательством того, что моя собственная душа для него — открытая книга. Когда разговор доходил до этой точки, он обычно становился холодно-отстраненным, взгляд его устремлялся вдаль, в то время как голос, обычно глубокий тенор, срывался на фальцет, который можно было бы посчитать недовольным, если бы не четкость и ясность произношения. Глядя на него в таком настроении, я часто вспоминал старинное философское учение о двойственности души и развлекался тем, что представлял себе Дюпена, распавшегося на две части: созидательную и разрушительную.

Не подумайте, будто за тем, что я рассказал, кроется какая-нибудь загадка, я вовсе не собираюсь превращать своего знакомого в некий романтический образ. Все описанные мною качества француза были всего лишь следствием работы его возбужденного, а возможно, и нездорового разума. Впрочем, лучше всего понять, что представляли собой его реплики во время таких разговоров поможет пример. Однажды ночью мы прогуливались по длинной и грязной улице неподалеку от Пале-Рояль. Мы оба были погружены в свои мысли, и, по меньшей мере, минут пятнадцать никто из нас не произнес ни звука. Затем совершенно неожиданно Дюпен нарушил молчание следующими словами:

— Действительно, при его-то росте он бы лучше шел в театр «Варьете».

— Да уж, это точно! — Я был настолько погружен в размышления, что ответил не задумываясь, поначалу даже не заметив, до чего точно его слова совпали с моими мыслями. В следующую секунду я уже пришел в себя, и моему удивлению не было предела. — Дюпен, — серьезно сказал я, — это выше моего понимания. Признаюсь откровенно, вы меня совершеннейшим образом озадачили. Я просто поражен! Как вам удалось узнать, что я думал о... — Тут я замолчал, чтобы убедиться, что он действительно знает, о ком я думал.

— ...о Шантильи, — подхватил он. — Почему вы замолчали? Вы про себя отметили, что его небольшой рост не подходит для трагических ролей.

Именно об этом я и думал. Шантильи — quondam⁶ сапожник с улицы Сен-Дени, увлекшись сценой, попробовал себя в роли Ксеркса

в одноименной трагедии Кребийона, но, несмотря на старание, получил разгромные отзывы критиков.

— Ради всего святого, — воскликнул я, — скажите, какой метод вы использовали... (если вы использовали какой-нибудь метод), чтобы вот так влезть мне в душу.

На самом деле удивлен я был даже больше, чем хотел показать.

— На мысль о том, — ответил мой друг, — что этот чинильщик подошв не обладает достаточным ростом, чтобы играть Ксеркса *et id genus omne*⁷, вас навел торговец фруктами.

— Торговец фруктами? Вы меня поражаете... Но я не знаю ни одного торговца фруктами.

— Человек, который столкнулся с вами, когда мы вышли на эту улицу... Минут пятнадцать назад.

Тут я вспомнил, что действительно какой-то торговец фруктами, несший на голове большую корзину с яблоками, случайно чуть не сбил меня с ног, когда мы сворачивали с С. на ту улицу, по которой сейчас шли. Тем не менее, какое отношение это имело к Шантильи, для меня оставалось загадкой.

Дюпен не имел склонности к *charlatanerie*⁸.

— Я объясню, — сказал он. — И, чтобы вам было понятнее, для начала мы восстановим ход ваших размышлений с той секунды, когда я заговорил, до самой *rencontre*⁹ с упомянутым торговцем. Основные звенья этой цепочки таковы: Шантильи, Орион, доктор Николь, Эпикур, стереотомия, булыжники, торговец фруктами.

Немного найдется таких людей, которые хотя бы раз в жизни не восстанавливали шаг за шагом ход своих мыслей, приведший их к тому или иному заключению. Это довольно увлекательное занятие, и тот, кто проделает это впервые, будет поражен тем, казалось бы, безграничным расстоянием и полным отсутствием связи между отправной точкой и последней мыслью. Можно представить, какое меня охватило удивление, когда я услышал эти слова француза и вынужден был признать, что они в точности соответствуют действительности. Он продолжил:

— Если я правильно помню, сворачивая с С., мы разговаривали о лошадях. Это последняя тема, которую мы с вами обсуждали. Когда мы выходили на улицу, мимо нас стремительно прошел торговец

фруктами с большой корзиной на голове, он толкнул вас на кучу булыжников рядом с тем местом, где ремонтируют мостовую. Вы наступили на один из камней, поскользнулись, слегка растянули лодыжку, то ли рассердились, то ли расстроились, пробормотали несколько слов, повернулись и посмотрели на груду булыжников и молча пошли дальше. Я не следил за вами специально, но в последнее время у меня появилась привычка внимательно наблюдать за всем, что происходит рядом со мной. Вы шли, не поднимая глаз с дороги, с раздражением поглядывая на дыры и выбоины в мостовой (я понял, что вы все еще думаете о камнях), пока мы не дошли до Ламартин, узкого переулка, который в качестве эксперимента замостили находящими друг на друга и сколоченными блоками. Тут ваше лицо просветлело, и, заметив движение ваших губ, я не мог не понять, что вы пробормотали слово «стереотомия», термин, которым для пущей важности нарекли такой род мостовой. Я знал, что вы не могли, произнеся слово «стереотомия», не вспомнить об атомах, а значит, и об учении Эпикура. Поскольку, когда недавно мы обсуждали эту тему, я, кажется, говорил, каким удивительным образом смутные догадки этого достойнейшего грека нашли подтверждение в позднейшей небулярной космогонической теории (хотя почти никто не придавал этому значения), я подумал, что вы непременно должны посмотреть на огромную туманность в Орионе, и, разумеется, стал ждать, когда вы это сделаете. И вы действительно взглянули вверх, чем и дали мне понять, что я верно следую за ходом ваших мыслей. Но в той язвительной статейке о Шантильи во вчерашнем номере «Мюзик» автор позволил себе некоторые отвратительные замечания по поводу того, что сапожник, встав на котурны, попытался изменить само свое имя и вспомнил латинское высказывание, о котором мы с вами часто говорили. Я имею в виду «Perdidit antiquum litera prima sonum»¹⁰. Я объяснял вам, что эти слова относятся к Ориону, который раньше писался Урион, и, поскольку мы пошутили по этому поводу, я посчитал, что вам это должно было запомниться и вы непременно соедините вместе два понятия: Орион и Шантильи. Усмешка, скользнувшая по вашим губам, подсказала мне, что я не ошибся. Вы подумали о том, что несчастный сапожник стал жертвой бессердечного зоила. До сих пор вы все время шли сутулясь, но тут распрямили спину, вытянули шею, и понял, что

вам представилась миниатюрная фигурка Шантильи. В этот миг я и прервал ваши раздумья замечанием о том, что он, этот Шантильи, в самом деле, очень невысок, и ему лучше было бы попробовать себя в театре «Варьете».

Вскоре после этого мы как-то просматривали вечерний выпуск «Газетт де Трибюн», где наше внимание привлекла следующая заметка:

«Загадочные убийства»

Сегодня утром, около трех часов, жители квартала Сен-Рок были разбужены душераздирающими криками, доносящимися из окна пятого этажа одного из домов на улице Морг, в котором, как известно, проживали некая мадам Л'Эспанэ с дочерью мадемуазель Камиллой Л'Эспанэ. После некоторой задержки, вызванной безуспешными попытками попасть в здание обычным путем, в ход был пущен лом, дверь удалось взломать, и восемь-десять соседей в сопровождении двух жандармов проникли в дом. К этому времени крики прекратились, но бросившиеся наверх люди, пробегая первый лестничный пролет, услышали еще, по меньшей мере, два грубых голоса, которые как будто доносились из верхней части здания и, похоже, о чем-то яростно спорили. Когда достигли второго лестничного пролета, эти звуки стихли, и больше ничего не было слышно. Группа рассредоточилась, люди стали заглядывать во все комнаты. Когда дошли до большой комнаты в глубине дома (дверь ее оказалась заперта, ключ вставлен в замочную скважину изнутри, поэтому ее пришлось взламывать), открывшаяся картина не только ужаснула всех присутствующих, но и удивила.

В помещении царил полнейший беспорядок, поломанная мебель разбросана по всей комнате. Здесь была только одна кровать, снятая со стойки и брошенная на пол. На стуле лежала окровавленная бритва, к каминной полке, которая тоже была вся в крови, прилипли две или три длинных седых пряди человеческих волос, и, похоже, что они были вырваны с корнем. На полу валялись четыре наполеондора, серьга с топазом, три больших серебряных ложки, три ложки поменьше из métal d'Alger¹¹ и два мешка, в которых находилось почти четыре тысячи золотых франков. Ящики стоящего в углу комода были выдвинуты, в них явно рылся грабитель, хотя многие вещи остались не тронутыми. Небольшой железный сейф обнаружили под постелью

(не под кроватью стойкой). Он был открыт, в двери все еще торчал ключ. Внутри сейфа ничего, кроме нескольких писем и других маловажных бумаг, не оказалось.

Никаких следов мадам Л'Эспанэ видно не было, однако, после того как в камине заметили необычное количество сажи, решили исследовать дымоход, и в нем (это даже жутко представить!) нашли труп дочери, головой вниз. Его с силой втокнули на довольно большое расстояние по узкому проходу вверх, где он и застрял. Тело было еще теплым. Когда его осматривали, во многих местах обнаружили содранную кожу, что, несомненно, указывало на то, с какой силой его заталкивали в дымоход и извлекали оттуда. Лицо было жестоко исцарапано, на горле виднелись темные кровоподтеки и глубокие следы ногтей, как будто жертву задушили насмерть.

Проведя тщательный осмотр всего дома и более ничего не обнаружив, группа направилась на небольшой мощный задний дворик, где оказался труп старшей из женщин. Ее горло было перерезано так, что, когда тело попытались поднять, голова оторвалась. И тело, и голова были страшно изувечены, причем первое до такой степени, что почти не напоминало человеческое.

Насколько нам известно, пока что нет ни малейшего ключа к решению этой страшной загадки».

На следующий день в той же газете появились дополнительные подробности:

«Трагедия на улице Морг

В связи с этим загадочным и жутким делом было опрошено множество человек, однако пока не обнаружилось ничего, что могло бы пролить на него свет. Ниже мы приводим все факты, которые удалось установить на основании свидетельских показаний.

Полина Дюбур, прачка, показывает, что была знакома с обеими погибшими три года, в указанный период стирала их вещи.

Престарелая дама и ее дочь были в хороших отношениях, очень любили друг друга. Платили всегда исправно и щедро. О том, как и на какие средства они жили, ей неизвестно. Полагает, что мадам Л. зарабатывала предсказанием будущего. Поговаривают, что она откладывала деньги. В доме посторонних она не встречала, ни когда заходила забирать одежду в стирку, ни когда возвращала ее. Уверена,

что слуг они не держали. Ни одна из комнат в доме, кроме той, что на пятом этаже, не меблирована.

Пьер Моро, владелец табачной лавки, показывает, что почти четыре года продавал небольшими порциями мадам Л'Эспанэ курительный и нюхательный табак. Сам он родился в этом же районе и всю жизнь прожил неподалеку. Погибшая и ее дочь занимали дом, где были найдены их тела, больше шести лет. До них там проживал ювелир, который сдавал верхние комнаты внаем. Само здание принадлежало мадам Л. Ей не понравилось, в каком порядке жилец содержал ее собственность, поэтому она сама вселилась в дом, вовсе отказавшись от сдачи комнат. Старуха, похоже, впала в детство.

За последние шесть лет свидетель видел ее дочь раз пять или шесть. Женщины вели очень уединенный образ жизни. Ходили слухи, что у них водились деньги. В разговорах соседей слышал, что мадам Л. была гадалкой, однако не верил. Ни разу не видел, чтобы в дом входил кто-нибудь, кроме старухи, ее дочери, посыльного (раз, может быть, два) и врача (раз восемь-десять).

Многочисленные другие свидетели и соседи дают примерно такие же показания. Никто не бывал в этом доме часто; есть ли у мадам Л. и ее дочери ныне здравствующие родственники, неизвестно. Ставни на окнах, выходящих на улицу, открывались редко; окна, выходящие на задний двор, были закрыты всегда. Единственное исключение — окно большой комнаты в глубине здания на пятом этаже. Сам дом не старый и в хорошем состоянии.

Изидор Мюзе, жандарм, показывает, что был вызван к дому около трех часов утра, увидел у двери два или три десятка человек, которые пытались проникнуть внутрь. Через какое-то время дверь удалось открыть при помощи штыка (не лома). Сделать это оказалось несложно, поскольку это двойная, или складная дверь и ни сверху, ни снизу на засовы закрыта не была. Крики продолжались все время, пока дверь взламывалась, а прекратились неожиданно. Похоже, что кричавший или кричавшие испытывали страшную боль: крики были громкими и затихающими постепенно, а не короткими и быстрыми. Свидетель первым устремился наверх. Дойдя до первой лестничной площадки, услышал два голоса, громко и раздраженно спорящих: один — хриплый и сердитый, второй — визгливый, очень странный голос. Разобрал несколько слов, произнесенных первым голосом,

который явно принадлежал французу. Совершенно уверен, что первый голос не был женским. Разобрал слова «sacré» и «diable»¹². Визгливый голос принадлежал иностранцу. Сказать с уверенностью, мужской или женский голос, не может. Что произносил второй голос, не разобрал, но думает, что говорили по-испански. Состояние комнаты и тел свидетель описывает так же, как и мы во вчерашнем номере.

Анри Дюваль, сосед, по профессии — серебряник, показывает, что был одним из первых, кто вошел в дом. В целом подтверждает показания Мюзе. После того как первой группе удалось проникнуть в подъезд, дверь снова заперли изнутри, чтобы не впустить толпу, которая быстро выростала у входа, несмотря на столь ранний час.

Визгливый голос, по мнению свидетеля, принадлежал итальянцу. Совершенно уверен, что не французу, однако утверждать, что голос был мужским, не может. Допускает, что голос мог быть женским.

С итальянским языком не знаком. Слов не разобрал, но по звучанию совершенно точно определил, что говоривший — итальянец. С мадам Л. и ее дочерью был знаком лично, часто беседовал с обеими. Уверен, что визгливый голос не принадлежал ни одной из них.

Оденгеймер, ресторатор. Этот свидетель сам вызвался дать показания. По-французски не говорит, поэтому допрашивался через переводчика. Постоянно проживает в Амстердаме. Проходил мимо дома в то время, когда из него послышались крики. Продолжались они несколько минут, возможно, десять. Крики были продолжительными и громкими. Очень страшными, леденящими душу. Один из тех, кто первым вошел в дом. Подтверждает показания предыдущего свидетеля во всем, кроме одного. Уверен, что визгливый голос принадлежал мужчине, французу. Что было сказано, не разобрал. Голос был громким и быстрым, отрывистым. Говоривший явно был одновременно напуган и разозлен. Голос резкий, не столько визгливый, сколько резкий. Визгливым назвать такой голос не может. Хриплый голос несколько раз повторил «sacré» и «diable», один раз произнес «mon Dieu»¹³.

Жюль Миньо, банкир, заведение «Миньо и сын» на улице Делорен. Старший из Миньо. У мадам Л'Эспанэ были сбережения. Весной ... года (восемь лет назад) открыла счет в его банке. Часто вносила небольшие суммы, но ничего не снимала. Впервые взяла деньги за три

дня до смерти, лично сняв со счета четыре тысячи франков. Эта сумма была выплачена золотом и доставлена на дом служащим банка.

Адольф Ле Бон, служащий банка «Миньо и сын», показывает, что в тот день, около полудня, сопровождал мадам Л'Эспанэ до ее дома с четырьмя тысячами франков, уложенными в два мешка. Когда дверь открыли, вышла мадемуазель Л. и приняла из его рук один из мешков, в то время как старшая из женщин взяла второй. После этого он попрощался и ушел. На улице в это время не заметил никого. Улочка маленькая, очень пустынная.

Вильям Берд, портной, показывает, что был в составе группы, первой проникшей в дом. Англичанин. В Париже проживает два года.

По лестнице поднялся одним из первых. Слышал спорящие голоса.

Хриплый голос принадлежал французу. Несколько слов разобрал, но сейчас все вспомнить не может. Отчетливо услышал «sacré» и «mon Dieu». В какой-то момент слышал звук, как будто боролись несколько человек, звук драки, возни. Визгливый голос был очень громким, громче, чем хриплый голос. Уверен, что это был голос не англичанина. Больше похож на голос немца. Мог быть женским. Немецкого языка свидетель не знает.

Четверо из вышеуказанных свидетелей при повторном допросе показали, что дверь комнаты, в которой было найдено тело мадемуазель Л., когда группа до нее добралась, была заперта изнутри. Стояла полная тишина, не слышалось ни стонов, ни шума, ни каких-либо иных звуков. Когда дверь взломали, в комнате не оказалось никого. Окна и передней, и дальней комнаты были опущены и надежно заперты изнутри. Межкомнатная дверь закрыта, но не заперта. Дверь, ведущая из коридора в переднюю комнату, была заперта изнутри на ключ, вставленный в замочную скважину со стороны комнаты. На том же пятом этаже в передней части здания в начале коридора имеется еще одна небольшая комната, дверь в нее была приоткрыта. Эта комната завалена старыми кроватями, коробками и т. д. Все эти вещи аккуратно извлекли и внимательно осмотрели. Ни в одном из помещений здания не осталось и квадратного дюйма, который не осмотрели бы самым тщательным образом. Дымоходы проверили щетками. Здание пятиэтажное, с чердаками (мансардами). Люк, выходящий на крышу, крепко заколочен гвоздями, судя по его состоянию, не открывался уже несколько лет. Показания свидетелей

относительно того, сколько прошло времени с момента, когда затихли спорящие голоса, до того, когда была взломана дверь в комнату, разнятся. Самое меньшее названное время — три минуты, самое большее — пять минут. Дверь удалось открыть с трудом.

Альфонсо Гарсио, гробовщик, показывает, что проживает на улице Морг. Испанец. Был в составе группы, вошедшей в дом. Наверх не поднимался: у него слабые нервы и ему нельзя волноваться. Спорящие голоса слышал. Хриплый голос принадлежал французу. Что было сказано, не разобрал. Визгливый голос принадлежал англичанину. В этом уверен. Английского языка не знает, но судит по звучанию.

Альберто Монтани, кондитер, показывает, что одним из первых поднялся по лестнице. Спорящие голоса слышал. Хриплый голос принадлежал французу. Несколько слов разобрал. Говоривший как будто в чем-то упрекал другого. Слов, произнесенных визгливым голосом, не разобрал. Речь была быстрой и отрывистой. Думает, что это мог быть русский. Общие показания подтверждает. Итальянец. С русскими никогда не разговаривал.

Некоторые из опрошенных свидетелей припомнили, что дымоходы во всех комнатах на пятом этаже были слишком узкими, чтобы через них мог протиснуться человек. Под «щетками» подразумевались цилиндрические щетки, которыми пользуются трубочисты для прочистки труб. Эти щетки были пропущены через все трубы в здании. Черного хода, по которому кто-нибудь мог бы спуститься, пока группа поднималась наверх, нет. Тело мадемуазель Л. было так крепко втиснуто в дымоход, что извлечь его оттуда удалось только совместными усилиями четырех-пяти человек.

Поль Дюма, врач, показывает, что его вызвали освидетельствовать тела примерно на рассвете. Когда он прибыл, оба тела лежали на матраце, снятом с кровати в той комнате, в которой нашли труп мадемуазель Л. Тело младшей из женщин было сильно ободрано и имело множественные ссадины и кровоподтеки. Тот факт, что ее затолкали в дымоход, вполне объясняет появление подобных следов. На горле имелись особенно сильные ссадины. Прямо под подбородком заметил несколько глубоких царапин рядом с несколькими синевато-багровыми пятнами, наверняка следами пальцев. Лицо было совершенно белым, глазные яблоки вылезли из орбит. Язык частично прокушен.

На подложечной ямке обнаружил большой синяк, очевидно, оставленный коленом. По мнению месье Дюма, мадемуазель Л'Эспанэ была задушена насмерть неизвестным лицом или лицами. Труп матери был страшно изувечен. В той или иной степени пострадали все кости правой ноги и руки. Левая tibia¹⁴ во многих местах раздроблена, так же как и большинство ребер с левой стороны. Все тело покрыто большими синяками и ссадинами. Определить, что могло нанести такие травмы, невозможно. Тяжелая деревянная дубинка или широкий железный прут, стул, любой большой, тяжелый и тупой предмет мог оставить такие следы, если бы находился в руках очень сильного мужчины. Женщина нанести удары такой силы не смогла бы никаким орудием. Голова жертвы, когда ее осматривал свидетель, была полностью отделена от тела и тоже сильно пострадала. Горло перерезано очень острым предметом, возможно, бритвой. Александр Этьенн, хирург, был вызван для осмотра тел вместе с месье Дюма. Показания и выводы месье Дюма подтверждает. Было опрошено еще несколько человек, но более никаких существенных дополнений не получено. В Париже еще не совершалось убийства более загадочного и необъяснимого... если убийство это было совершено человеческими руками. Полиция в полной растерянности, что очень необычно для такого рода дел. Нет ни единой зацепки, которая могла бы подсказать хоть какое-нибудь решение».

В вечернем выпуске газеты сообщалось, что жители квартала Сен-Рок по-прежнему обеспокоены, что проведен повторный осмотр места преступления и свидетелей допросили еще раз, но это не дало никаких результатов. Лишь в дополнении к статье указывалось, что был задержан и взят под стражу Адольф Ле Бон, хотя, кроме фактов, уже изложенных, ничто не указывает на его причастность к этому делу. Дюпена, похоже, необычайно заинтересовал ход расследования. По крайней мере, так мне показалось по его поведению, поскольку сам он не говорил ничего. Только после того, как стало известно об аресте Ле Бона, он спросил у меня, что я думаю об этих убийствах. Я мог только согласиться с остальными парижанами в том, что они представляются неразрешимой загадкой. Я не видел ровным счетом ничего, что могло бы вывести на след убийцы.

— Мы не должны судить о том, что произошло, — сказал Дюпен, — по результатам осмотра места происшествия. Парижская полиция, которую так превозносят за ее «догадливость», на самом деле всего лишь пронырлива и не более того. Действия ее совершенно лишены методичности, они видят не дальше собственного носа и думают только о том, что происходит сейчас, в данную минуту. Они трубят на весь свет о том, что предпринимаются все необходимые «меры» и «шаги», но в действительности меры эти часто настолько не соответствуют решаемым вопросам, что поневоле вспоминаешь месье Журдена, который *pour mieux entendre la musique*¹⁵ требовал подать свой *robe de chambre*¹⁶. Не так уж редко результаты их работы вправду удивляют, но чаще всего за этим стоят всего лишь усердие и настойчивость. Когда эти качества не приносят плодов, все их расчеты идут насмарку. Видок, к примеру, был догадлив и деятелен. Но, не обладая тренированным мозгом, он постоянно ошибался, и причиной этому был именно напор, с каким он подходил к расследованию. Он слишком пристально всматривался в одну точку и этим ограничивал свое же поле зрения. Что-нибудь одно он видел необычайно ясно, но при этом обязательно терял из виду общую картину. Я хочу сказать, что, когда копаешь слишком глубоко, это тоже не всегда правильно. Правда не всегда обитает на дне колодца. Я даже могу сказать, что, когда речь идет о более серьезных областях знаний, искать ее всегда надо на поверхности. Глубина находится в долинах, в которых мы ищем ее, а не на вершинах гор, с которых мы ее видим. Есть прекрасный пример того, какие бывают виды и источники ошибок такого рода. Это созерцание небесных тел. Если бросать на звезду быстрые взгляды, направленные чуть-чуть в сторону (то есть обратить на нее наружный край сетчатки, более восприимчивый к слабым световым образам, чем внутренний, что дает возможность увидеть ее отчетливее, чем если смотреть прямо на нее), то блеск звезды воспринимается полностью, и чем «прямее» наш взгляд, тем более тусклым становится блеск. При этом во втором случае на глаз падает большее количество лучей, но в первом восприятие их чище. Излишней вдумчивостью мы усложняем работу мысли и ослабляем ее. Даже Венера может исчезнуть с небесного свода, если всматриваться в нее слишком внимательно, слишком долго или слишком прямо.

Что касается этих убийств, давайте-ка мы сами осмотрим место происшествия, прежде чем делать какие-либо выводы. Думаю, это будет забавно (мне показалось, в данном случае слово это не очень к месту, но я промолчал), и, кроме того, Ле Бон однажды оказал мне услугу, за которую я ему благодарен. Поедем, увидим все собственными глазами. Я знаком с Г., префектом полиции, так что получить необходимое разрешение будет несложно.

Разрешение было получено, и мы, не откладывая дело в долгий ящик, сразу же отправились на улицу Морг. Это одна из самых захудалых улочек между улицами Ришелье и Сен-Рок. Район этот расположен достаточно далеко от того квартала, где жили мы, поэтому до места мы добрались уже довольно поздно. Сам дом разыскать было нетрудно, поскольку напротив него до сих пор еще стояла группа зевак, с любопытством глазевших на его закрытые ставнями окна. Это был самый обыкновенный парижский дом с маленьким подъездом, рядом с которым стояла застекленная будка с поднимающейся панелью в окне, *loge du concierge*¹⁷. Прежде чем войти, мы прошли дальше по улице, свернули в переулок, потом снова свернули и оказались с задней стороны дома. При этом Дюпен осматривал окрестности и само здание с пристальным вниманием, которому я не находил объяснения.

Снова выйдя на улицу, мы подошли к двери, позвонили и после того, как предъявили дежурным соответствующее разрешение, нас пустили. Мы поднялись на пятый этаж, в ту комнату, где было найдено тело мадемуазель Л'Эспанэ и где до сих пор еще лежали оба трупа. Как обычно, в комнате был сохранен беспорядок. Все, что я увидел, в точности совпадало с описанием в «Газетт де Трибюн». Дюпен тщательно все исследовал, в том числе и тела жертв, после чего мы прошли в другую комнату, потом спустились во двор. Все это время рядом с нами находился жандарм. Осмотр продолжался дотемна, потом мы ушли. По пути домой мой компаньон ненадолго заглянул в редакцию одной из дневных газет.

Я уже упоминал о многочисленных причудах моего друга и о том, что *je les ménageais*¹⁸ (в английском языке нет точного соответствия этой фразе). Теперь ему почему-то пришло в голову обрывать все мои попытки начать разговор об убийстве, заговорил он о нем только

на следующий день, в полдень, когда неожиданно спросил меня, не заметил ли я чего-нибудь «особенного» на месте преступления. Не знаю почему, но то, как он произнес слово «особенное», заставило меня вздрогнуть.

— Нет, ничего «особенного» я не заметил, — ответил я. — По крайней мере, ничего такого, чего бы мы уже не знали из газеты.

— Боюсь, что «Трибюн», — сказал он, — не постигла всей необычности этого ужасного происшествия. Но давайте забудем досужие домыслы сего издания. У меня создается впечатление, что эту загадку считают неразрешимой по той самой причине, которая в действительности указывает на то, что дело это очень простое. Я имею в виду самую чудовищность преступления. Полицию поставило в тупик отсутствие мотива, но объясняющего не само убийство, а его жестокость. Кроме того, они никак не могут сопоставить спорившие голоса с теми фактами, что наверху не оказалось никого, кроме убитой мадемуазель Л'Эспанэ, и что не было способа покинуть комнату, оставшись не замеченным поднимающейся по лестнице группой. Полный разгром комнаты, труп, засунутый вниз головой в дымоход, жуткие раны старшей из женщин — этих соображений вместе с уже упомянутыми и другими, которые мне нет нужды перечислять, хватило, чтобы парализовать силы полиции и лишить хваленой проницательности лучших правительственных агентов. Они допустили грубую, но распространенную ошибку — посчитали необычное трудным для понимания. Но ведь именно благодаря таким отклонениям от обычного разум и находит путь к истине, если это вообще происходит. В расследованиях, подобных тому, которым мы сейчас занимаемся, стоит задаться вопросом не «что случилось?», а «что случилось такого, чего не случалось никогда раньше?». В сущности, легкость, с которой я приду, вернее, уже пришел к разгадке этой тайны, прямо пропорциональна ее кажущейся неразрешимости в глазах полиции.

Я ошеломленно уставился на своего друга, от удивления не в силах вымолвить ни слова.

— Сейчас я ожидаю, — продолжил он, взглянув на дверь комнаты, — ожидаю человека, который, возможно, и не совершал этой бойни, но некоторым образом причастен к ней. Вероятно, в худшей части преступлений он не повинен. Надеюсь, что я прав в этом

предположении, поскольку именно на нем основывается мое прочтение этой загадки. С минуты на минуту я ожидаю увидеть его здесь, в этой комнате. Правда, он может и не прийти, но, по всей вероятности, придет, и, если он явится, его нужно будет задержать. Вот пистолеты, и мы с вами оба знаем, как пустить их в дело, если того потребуют обстоятельства.

Я взял пистолет, с трудом понимая, что делаю, и не веря своим ушам, а Дюпен продолжил рассуждения, больше напоминающие сценический монолог. Я уже отмечал, что в такие минуты он словно бы уходил в себя. Слова его были адресованы мне, но голос, хоть и совсем не громкий, звучал так, будто он говорил для кого-то, находящегося на значительном расстоянии. Взгляд его, не выражающий никаких чувств, был обращен в стену.

— То, что спорящие голоса, — сказал он, — которые слышала поднимающаяся по лестнице группа людей, не принадлежали женщинам, полностью подтверждено показаниями. То есть вопрос, могла ли старуха сначала лишить жизни дочь, а потом совершить самоубийство, отпадает. Об этом я говорю исключительно ради того, чтобы быть методичным, поскольку мадам Л'Эспанэ не могла обладать силой, достаточной для того, чтобы затолкать труп дочери в дымоход таким образом, и характер ран, обнаруженных на ее собственном теле, полностью исключает возможность самоубийства. Следовательно, убийство было совершено третьей стороной, и именно ссору участников этой третьей стороны слышали свидетели. Давайте теперь обратимся... не к общим показаниям относительно услышанных голосов, а к тому «особенному», что в них имеется. Вы заметили в них что-нибудь особенное?

Я ответил, что все свидетели единодушно утверждали, что хриплый голос принадлежал французу, но мнения о том, кому принадлежал визгливый, или, как назвал его один человек, «резкий» голос, значительно разошлись.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

BOOK2GO
ЕЛЕКТРОННІ КНИГИ

КУПИТИ